

Юаньян со сложным выражением вглядывалась в Инчунь, ничего не говоря, и последовала за ними. Умом она не обделена, не будет как Инчунь хлопать глазами. Цзя Чжипо не позволил Инчуню идти в Зал Жунцин, и в этом кроется тайный смысл, который она отлично понимала.

Эта похожая на деревяшку вторая барышня, пожалуй, собирается перевернуть свою судьбу.

В Зале Жунцин какая-то старуха лет сорока стояла на коленях, причитая и катаясь по полу.

Старшая матушка, жить больше невозможно! Второй господин Лянь приказал схватить моего сына, невестку и моего мужа, да еще и хочет дом разорить! Стариканша, да разве ж у нас в доме когда-нибудь были такие порядки!

Лицо Цзя Му посинело от гнева. Цзя Шэ, госпожа Син, Цзя Чжэн и госпожа Ван — все присутствовали здесь, и лица их одно за другим становились всё мрачнее. Впрочем, если присмотреться, в уголке рта Цзя Шэ даже таилась едва заметная улыбка.

Пошлите еще кого-нибудь, притаките мне этого негодяя!

Цзя Му отдала приказание стоявшей рядом старшей служанке.

Прислуживавшая тут же Ван Сифэн нахмурилась так, что на лбу залегли складки.

Искать не нужно, я здесь.

За дверью раздался голос Цзя Чжипо, холодный, как осколки льда.

Услышав голос Цзя Чжипо, нянюшка Ли завывала еще громче.

Старая карга, посмотри, на что ты опустилась на колени. Это высочайше пожалованная табличка самого Великого императора-основателя. Ты здесь бесчинствуешь и устраиваешь скандалы — это великое неуважение. Считаешь, что твоих грехов недостаточно?

Нянюшка Ли подавилась этими словами, ее рот приоткрылся, но она так и не смогла ничего ответить, застыв на месте.

Приветствую почтенную матушку, приветствую господина и госпожу, второго господина и вторую госпожу.

Цзя Чжипо одним словом усмирил нянюшку Ли, после чего неспешно выступил вперед, чтобы засвидетельствовать почтение. Такие вещи, как правила этикета, упускать нельзя.

Цзя Шэ, глядя на такое поведение Цзя Чжипо, светился в душе немалым удовлетворением. Зачем Цзя Чжипо затеял всю эту бучу, ему было предельно ясно. Эта побочная дочь Инчунь в его глазах ничего не стоила, а вот позиция Цзя Чжипо — вот что имело ключевое значение.

Госпожа Син кипела от злости, ей хотелось сделать Цзя Чжипо пару замечаний, но раз Цзя Шэ не подавал голоса, разве посмела бы она вести себя вольно перед лицом матушки.

Цзя Му бросила взгляд на выражение лица старшего сына, тяжело вздохнула и была вынуждена заговорить сама:

Лянь-эр, давай пока оставим это в стороне. С чего это я слышала, будто ты велел посадить всю семью нянюшки Ли под стражу и даже в доме обыск устроил? Да еще и ее сына схватил, собираешься отправить в Управу Шуньтянь? Что за дела? Наш дом — семейство, творящее добрые дела, в нем не должно быть подобных безобразий со слугами.

Цзя Чжипо усмехнулся, вытащил из рукава лист с показаниями и протянул его Цзя Му.

Цзя Му бегло взглянула на бумагу, и ее лицо мгновенно переменилось. Наслаждаясь благополучием на протяжении десятилетий, она сочла тяжелым даже то, что было написано в этих показаниях.

С нянюшкой Ли еще куда ни шло, она всего лишь промышляла мелким воровством, то и дело утаскивая у Баоюя кое-какие вещицы на продажу ради денег. А вот этот Ли Гуй — совсем другое дело. Пользуясь именами нашего Особняка Жунго и Баоюя, он творил на стороне всевозможные бесчинства. Если пустить всё на самотек, рано или поздно это навлечет беду на Баоюя.

Цзя Чжэн и госпожа Ван уже взяли из рук Цзя Му показания и пробежали их глазами, лица у обоих почернели, как дно котла. Цзя Чжэн особенно чувствовал, что ему некуда деться от стыда; не сказав ни слова, он злобно фыркнул на госпожу Ван и, взмахнув рукавом, собрался уходить.

Цзя Му прекрасно понимала: те слова Цзя Чжипо равносильны отправке всей семьи нянюшки Ли на верную смерть.

Корни этого дела лежали в Баоюе, а коль затрагивался Баоюй, это касалось самой жизни и основы всего Особняка Жунго. Старица больше ничего не сказала, лишь чуть приподняла руку, приказав нескольким пожилым служанкам вытащить виновных прочь.

Госпожа Син изначально собиралась замолвить словечко и за жену Ван Шаньбао, но теперь тоже прикусила язык. Нянюшка Ли воровала вещи Баоюя, а жена Ван Шаньбао — украшения Инчунь; дело касалось чести и репутации барышни, кто же посмеет заикнуться об этом?

Однако, стоило им уйти в тень, Цзя Чжипо и не думал останавливаться.

Второй господин, погодите уходить.

Цзя Чжэн уже почти перешагнул порог Зала Жунцин, но, услышав этот окрик, его шаги резко оборвались. Все находившиеся в комнате люди тоже замерли, несколько пар глаз одновременно уставились на Цзя Чжипо.

Честно говоря, в глазах Цзя Чжипо Цзя Чжэн не представлял собой абсолютно ничего. И тем не менее за последние годы авторитет Цзя Чжэня в Особняке Жунго был весьма велик, и такие младшие, как Три сестры Цзя, Баоюй и сам Цзя Чжипо, при виде второго господина не смели даже вздохнуть полной грудью.

Даже Цзя Шэ, пользуясь тем, что матушка благоволит ему, обычно не решался окликать Цзя Чжэня в те моменты, когда тому приходилось нелегко.

Лянь-эр, у тебя еще есть дела?

Подала голос Цзя Му. Сегодня ей всё казалось, что Цзя Чжипо ведет себя странно, хотя она не могла точно определить, что именно в нем изменилось. Но она ясно понимала: если позволить этому парнишке и дальше буяннить, то лицо второго сына в семье окажется в грязи и разобьется вдребезги.

Ничего не попишешь, ей оставалось лишь самой вступить в игру, чтобы справиться с этим старшим внуком, который после женитьбы словно заново родился.

Старица со странным выражением в глазах скользнула взглядом по Ван Сифэн — неужто у этой девицы из семьи Ван и впрямь есть пара полезных навыков?

Цзя Чжипо заранее догадался, что матушка выйдет на передний план. Он отлично понимал: чтобы Цзя Му удерживать в повиновении весь Особняк Жунго, старшей ветви нужно было владеть титулом, а второй ветви — держать в руках реальную власть. Сидя посредине и соблюдая баланс между обеими сторонами, матушка могла почивать в безопасности.

Этот прием нельзя было назвать чересчур мудреным, но нельзя было не признать, что эта старуха действительно постигла азы властных интриг.

Цзя Чжипо не растерялся и сначала бросил на Ван Сифэн успокаивающий взгляд — лицо той было сплошь залито тревогой. Затем он чинно и вежливо поклонился Цзя Му.

По идее, мне не следовало нарушать покой матушки. Такая мелочь, я первоначально собирался разобраться с ней сам. Но никак не ожидал...

На этих словах Цзя Чжипо сделал паузу, его взгляд скользнул по госпоже Ван, а голос зазвучал ни громко, ни тихо:

Все говорят, что у второй госпожи сердце бодхисаттвы, вот сегодня я наконец в этом убедился. Эти слуги от вседозволенности почти забыли, как зовут их хозяев.

Лицо госпожи Ван побелело на целый тон.

Имя названо не было, но каждый понимал, что речь шла о ее никуда не годном управлении домом. Госпожа Ван качнулась на сиденье, собираясь подняться и попросить об отпуске и наказании, но Цзя Му протянула руку вниз и прижала ее обратно.

Каков нрав у матушки Баоюя, все прекрасно знают. Именно потому, что у нее мягкое сердце, она и думала о том, чтобы передоверить управление домом девчонке Фэн. Но я слышала, что ты этого не позволил?

Цзя Му на мгновение умолкла, ее тон был размеренным и неторопливым:

К тому же, она кормилица Баоюя. К людям преклонных лет в нашем роду подобает относиться с почтением.

Сидящая внизу госпожа Ван и остальные тут же поддакнули:

Матушка совершенно права.

Цзя Чжипо обвел всех взглядом, уголки его рта презрительно опустились вниз.

Эта пожилая служанка действительно выкормила Баоюя грудью, но ведь Баоюй не из ее чрева вылез и не она за ним ухаживала, вытирая за ним слюни и испражнения. Какими бы ни были ее заслуги, могут ли они превзойти заслуги хозяев? А нынче она живет куда более роскошно, чем истинные господа.

Хотите содержать ее — осыпьте серебром поболе, поручайте поменьше дел, даже позвольте ей наслаждаться старостью в свое удовольствие, всё это обсуждаемо. Но она не смеет возомнить себя второй госпожой.

Раз уж даже простая старуха-служанка из второго дома осмеливалась ни во что его не ставить, Цзя Чжипо вовсе не собирался сохранять лицо второй ветви.

Как только эти слова слетели с его губ, лицо Цзя Му тут же помрачнело: Лянь-эр, что за чушь ты несешь? Старший, ты именно так воспитываешь сына?

Стоило Цзя Шэ сообразить, что огонь может перекинуться на него, как он зло усмехнулся про себя. Прибыв сегодня в Зал Жунцин, он изначально не собирался разбираться с Цзя Чжипо, а пришел исключительно ради зрелища.

Какими бы резкими ни были речи Цзя Чжипо, они в конечном счете били и по лицу старшей ветви, но ведь речь шла всего лишь о прислуге госпожи Син, какая от нее ценность? Куда важнее было то, что Цзя Чжипо вознамерился пойти войной на матушку и второй дом.

Стоит отметить, что хотя Цзя Шэ с презрением относился к трусливой натуре Инчунь и не слишком дорожил этой побочной дочерью, она в конце концов оставалась единственной барышней старшей ветви Особняка Жунго, а люди из второй ветви зашли слишком далеко в своем притеснении.

Цзя Шэ только открыл рот, как Цзя Чжипо опередил его и перехватил инициативу. Он вовсе не собирался позволять Цзя Шэ вмешиваться — этот тип только всё испортит, а толку от него никакого.

Нынешняя старшая ветвь имела слишком слабые позиции.

Матушка, к чему вам придирается к отцу? Какое из моих слов неверно? Пусть даже у нянюшки Ли заслуги перед небесами, ей всё равно не позволено кичиться возрастом и качать права перед хозяевами.

Вторая сестрица — старшая дочь старшей ветви, родная внучка основоположника рода Жун, разве пристало каким-то подлым девкам топтать ее честь? Я с таким трудом добыл для нее кое-что хорошее, а свора негодяев из кухни посмела всё это урезать, и неизвестно, как они измывались над ней в будни.

Матушка, я родной старший брат второй сестрицы, и требую у вас справедливости — разве я не прав? Вторая госпожа управляет домом, разве она не должна дать мне объяснений?

Едва Цзя Чжипо умолк, как лица всех присутствующих в Зале Жунцин полностью переменились. Цзя Му впервые посмотрела на этого старшего внука долгим, пристальным взглядом.

Стоявший перед ней юноша пылал молодецким задором, и мысли Цзя Му унеслись далеко в прошлое.

В те годы князь Жунго Цзя Дайшань вечно пропадал в военных походах, и она забеременела лишь спустя несколько лет после вступления в этот дом.

Тогда Цзя Дайшань был жалован титулом князя Жунго, возглавлял Военный совет и ведал всеми военными силами Поднебесной. Беременность ее, законной жены и Герцогини Жунго

первого ранга, разумеется, была величайшим событием.

Даже сам Император Шэнцзу лично издал указ о даровании старшему сыну второго имени Эньхоу, и смысл этого был понятнее некуда.

Кто бы мог подумать, что все те десять месяцев токсикоз не прекращался ни на день, а вкупе с бесконечными походами Цзя Дайшаня юная Цзя Му сутками пребывала в страхе и тревоге. В день родов тяжелые роды чуть было не стоили ей жизни.

Этот ребенок с самого детства отличался невероятной проказливостью, и Цзя Му никак не могла проникнуться к нему любовью.

Позже, когда император Шэнцзу заключил с той стороной мирное соглашение и в Поднебесной наступило время передышки и восстановления сил, Цзя Дайшань наконец смог обосноваться в городе Шэньцзин, и у них родились второй сын Цзя Чжэн и младшая дочь Цзя Минь. Оба появились на свет без сучка и задоринки, послушные и смирные. К старшему сыну Цзя Му стала относиться еще прохладнее.

В Зале Жунцин стояла пугающая тишина.

Цзя Му долго молчала, ее взгляд затуманился. Она вдруг вспомнила прежнего Цзя Шэ — тот, казалось, когда-то тоже был полон такого же бурного пыла, а в его глазах горел свет. Но считала ли она на самом деле, что перед старшим сыном у нее есть вина?

Нет.

Старший сын в молодости был чересчур распутен, и когда глава семьи был жив, тот даже помышлял о лишении его статуса наследника, собираясь напрямую отдать его второму сыну. Именно она тогда пресекла это, уговорив и второго сына словами, что второму мальчику предстоит идти по пути сдачи экзаменов и со временем он непременно получит высокие чины и должности, а с вопросом о титуле спешить не стоит.

Эти слова успокоили обстановку и сохранили за Цзя Шэ право на наследование.

Но теперь эта тишина давила на всех присутствующих так, что было трудно дышать.

Труднее всего пришлось госпоже Ван.

Цзя Чжино только что прямо ткнул ей в лицо, что она плохо ведет дела и потворствует слугам, притесняющим хозяев. Если этот факт подтвердится, ей не снести такой норы. Хуже всего было то, что дело зашло так далеко, и в конечном счете всё это было тесно связано с ней.

Изначально Цзя Чжипо обрушивал свой гнев лишь на нескольких слуг, ударив по лицу второй дом и задев его достоинство, но не затрагивая основы.

Однако теперь...

Когда госпожа Ван вошла в этот дом, первая жена Цзя Шэ была еще жива, и именно она приходилась Цзя Чжипо родной матерью. Госпожа Син вошла в семью много позже, спустя немало лет после нее. Поэтому госпожа Ван лучше кого бы то ни было знала методы Цзя Му.

Старица упорно хранила молчание, и такое отношение заставляло ее сердце трепетать от страха.

Она бросила взгляд на сидевшего рядом Цзя Чжэня — его лицо было чернее котелка. Госпожа Ван вздохнула: надеяться на этого человека не приходилось, оставалось лишь самой встать и признать свою вину.

В тот самый момент, когда госпожа Ван опустилась на колени, все младшие в комнате поднялись со своих мест. Цзя Баоюй и Цзя Таньчунь немедленно последовали за ней и опустились на колени по обе стороны от нее, сопровождая ее.

Эта невестка все эти годы уделяла внимание лишь чтению молитв и действительно запустила дела в доме. Я никак не ожидала, что может произойти подобное безобразие, причинившее второй барышне столь тяжкие обиды. Года мои уже не те, к тому же нужно присматривать за Баоюем, у меня поистине не осталось сил заниматься этими хлопотами. Молю матушку заново назначить кого-нибудь на эту должность.

<http://bllate.org/book/19342/1891418>